

Глава III

Где я лично знаколюсь с тоддами.

La verité que je défends est empreinte sur tous les monuments du passé. Pour comprendre l'histoire, il faut étudier les symboles anciens, les signes sacrés du sacerdoce et l'art de guérir dans les temps primitifs, art oublié aujourd'hui¹...

*Baron Du Potet*²

Сцена в Мадрасе в первой половине июля 1883 года. Дует западный ветер, начиная с семи часов утра, то есть вскоре после восхода солнца, и затихая только к пяти часам пополудни. Дует он уже шесть недель, а конец его деятельности наступит только в конце августа. Термометр показывает 128^{o3} в тени. Так как в России мало кто знает, что такое «западный» ветер в южной Индии, то постараюсь дать об этом неумолимом враге европейца хотя слабое представление. Все двери и окна, в направлении которых следует этот ровный, постоянный, бархатисто-мягкий ветерок, завешаны густыми *татти*, иначе, циновками из *кузи*, пахучей травы. Все щели законопачены, все отверстия наполнены ватой, почему-то считающейся лучшим препятствием западному ветру. Но это нисколько не мешает ему проникать всюду, даже чрез такие вещества, которые оказались бы достаточно непроницаемыми для воды. Этот ветер пронизывает самые стены, и от его ровного, покойного дуновения происходит следующее замечательное явление. По дороге западного ветра книги, газеты, рукописи и всякая бумага шевелятся сами собою, словно живые. Лист за листом подымается как бы невидимою рукой и под напором горячего, нестерпимо знойного дыхания каждый листок начинает скручиваться все более и более, пока не скрутится в тончайшую трубочку; после чего листья только колышутся, вздрагивая под каждым новым дуновением. На мебель и вещи ложится тонкая, сперва еле осязаемая, затем густейшая пыль. Если она покроет материю, ее уже не выколоти отсюда никакая щетка. А на мебели, если ее не вытирать ежечасно, к вечеру наберется такой пыли на полвершка⁴.

На такое время одно спасение – *панка*: открыть широко рот, повернуться лицом к востоку и сидеть или лежать неподвижно, вдыхая в себя прохладу, искусственно производимую колыханием гигантского, протянутого поперек комнаты веера. Только когда пойдет солнце, можно бывает дышать чистым, хотя и сильно нагретым воздухом.

В марте мадрасское европейское общество, следуя за местным правительством, всегда перекочевывает на Голубые горы – до ноября. Решилась эмигрировать на время и я, но не весной, а именно в половине июля, когда западный ветер успел уже иссушить меня до мозга костей. Получив приглашение от добрых друзей, семейства генерала Моргана, погостить у них, семнадцатого июля, полузадохнувшаяся от жары, я наскоро собралась и в шесть часов вечера села в вагон железной дороги. На другое утро до полдня я уже была в Матъяполаме, у подошвы Нильгири.

Здесь я столкнулась нос к носу с англо-индийскою эксплуатацией, которая у нас зовется цивилизацией, а в то же время и с мистером Сэлливаном, членом совета и сыном покойного коллектора куимбатурского. Эксплуатация явилась под видом мерзейшего ящика о двух колесах и с полотняною башней над ним, за который я заплатила вперед еще в Мадрасе под его

¹ Истина, которую я защищаю, запечатлена на всех памятниках прошлого. Чтобы понять историю, нужно изучать древние символы, жреческие священные знаки и искусство исцеления первобытных времен, искусство, забытое сегодня (*фр.*).

² Жюль Денис Дю Поте (1796–1881) – французский магнетизер и писатель, автор трудов о лечении магнетизмом.

³ 53° С.

⁴ 2 см.

псевдонимом «закрытой удобнейшей на рессорах кареты». А мистер Сэлливан представился мне гением-хранителем гор, с большим влиянием, конечно, на воздымавшихся пред нами высотах, но беспомощный, как и я сама, пред эксплуатацией частных британских спекуляторов у подножия Нильгири. Он мог только утешать меня. Представившись и рассказав, что возвращается в лоно требующего его правительства из собственной где-то плантации, он тут же показал мне пример смирения, усевшись без протеста и как мог в другой гнусной двуколке. Великие «высшей расы», столь гордые с браминами, умяляются и часто дрожат пред низшими своего народа – в Индии. Это замечено мною не раз. Быть может, они страшатся их разоблачений, а пуще, вероятно, ядовитого языка и всемогущей клеветы.

Еще не замолкли вдали раскаты сердитого грома так называемой грозы вследствие *Ильбертского билля*⁵, Джон Булль⁶ низших сфер, схватив за шиворот Джона Булля англо-индийской аристократии, увлек его насильно за собой и разом оседлал вице-королевский совет с бабу Рипоном⁷ во главе. Напрасно упирался либеральный маркиз. Поникнув добродушною главой, бабу Рипон смирился пред бакалейщиками и сапожниками своей верховной расы. Вздумав положить новую заплату на старую ризу Индии, новоиспеченный римский католик, очевидно, забыл о библейской мудрости своих праотцов. И стало последнее горше первого дня для бесталанных сирот туземной Индии!..

Так было истолковано мною поведение члена совета, не осмелившегося сказать ни слова грязному прикащику⁸ «агента для перевозки пассажиров и клади из Мадраса на Нильгири». Когда тот нахально объявил, что в горах идут дожди и он не станет рисковать новою краской и лакировкой *закрытых* карет, потому что пассажиры могут ехать и в открытых одноколках, то ни мистер Сэлливан, ни другие ехавшие в Утти британцы не нашли для него ни одного из тех англо-индийских жестов и взглядов, которые повергают во прах наивысшего чином туземца.

Нечего было делать, и сев бочком в таратайку, пред которой *тонга* на дороге в Симлу все равно, что королевский вагон пред ящиком, в котором запирают на поездах железной дороги собак, мы стали подыматься в гору. Одноколку влекли два печальные остова когда-то почтовых кляч. Не успели мы отъехать и полмили, как один из остовов, слабо подрыгав задними косточками, свалился с ног, опрокинув на себя одноколку, а вместе с нею и меня. Все это произошло на три вершка⁹ от бездны, по счастью, не очень глубокой, да в которую я, впрочем, и не свалилась. Все кончилось неприятным изумлением и порванным платьем.

Весьма любезно подскочивший на помощь какой-то англичанин, у которого одноколка завязла в красной глине, обрушил свой гнев на ямщика, которому не принадлежала ни таратайка, ни тут же издохшая лошадь. Ямщик был туземец и его было бы бесполезно задабривать. Пришлось дожидаться другой одноколки и двух других кляч со станции. Но я не сожалела о потерянном времени. Познакомясь с членом совета, в силу общего притеснения нас агентом, я разговорилась и с другим англичанином. В этот час, проведенный в ожидании со станции помощи, я узнала много новых подробностей об открытии Нильгири, отце мистера Сэлливана и о тогдах. Впоследствии я часто виделась в Утти с обоими «сановниками».

Чрез час пошел дождь, и моя одноколка скоро превратилась в ванну с душем. Вдобавок ко всему, по мере того как мы поднимались выше, холод все усиливался. По приезде в Хотагири¹⁰, откуда нам оставался час езды, мне пришлось дрожать от стужи под шубой. Я въезжала в Голубые горы в самый сезон дождей. Густая, красная от размокшей земли вода потоками катилась нам

⁵ Pbert Bill, против которого восстали, как один человек, все англо-индийские лавочники, спекуляторы и низший класс высшей расы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Билль Илберта предлагал поправку к существующим британским законам, предоставлявшую магистратам и судьям индийского происхождения право судить английских подданных. Этот законопроект повлек акции протеста со стороны англо-индийцев и в случае его принятия однозначно привел бы Индию к кровавой войне между англичанами и коренным населением. В конце концов, билль провалился, он был принят в сильно компромиссном виде.

⁶ Джон Булль (*англ.* John Bull, буквально Джон Бык) – собирательный образ типичного англичанина.

⁷ Джордж Фредерик Сэмюэль Робинсон (1-й маркиз Рипон, 1827–1909) – британский политик, государственный деятель, дипломат, генерал-губернатор и вице-король Индии (1880–1884); в 1874 г. перешел в римский католицизм.

⁸ приказчику (*устар.*).

⁹ 13 см.

¹⁰ Котагери.

навстречу, и великолепная панорама по обеим сторонам дороги заволочлась туманом. Но вид был очарователен даже при такой печальной обстановке; а воздух, холодный и сырой, после душной атмосферы в Мадрасе был величайшим наслаждением. Он был весь пропитан запахом фиалок и здорового смолистого леса. А этот лес, покрывающий все скаты гор и холмов изумрудным покровом, скольких тайн он был свидетелем на своем долгом веку! Чего только не видали в Голубых горах, глубокой могиле, скрывавшей так долго и так ревниво сцены, напоминающие сцену ведьм в *Макбете*¹¹, эти старые столетние стволы! Теперь легенды давно не в моде: их называют сказками, и это весьма естественно. «Легенда – цветок, распускающийся только на почве веры». А вера давно уже стала исчезать в сердцах цивилизованного Запада; поэтому засыхают и цветы ее под убийственным дыханием современного материализма и общего безверия.

Эта быстрая перемена в климате, обстановке и во всей природе показалась мне волшебством. Я забыла холод, дождь, отвратительную одноколку с башней, под которою я восседала на своих перепачканных в грязи полуразломанных ящиках и чемоданах, – и только спешила дышать, набираться этого чистого, чудесного воздуха, которым я не дышала уже много лет... Только к шести часам вечера мы подъехали к Утти.

Было воскресенье, и мы скоро стали встречать толпы, идущие домой после вечерней службы. То были большею частью евразияты, эти рассиропленные «черною» кровью *европейцы*, ходячие паспорта «с особыми приметами», которые они носят на себе от рождения до гроба в ногтях, в профиле, в волосах и в цвете лица. Я не знаю ничего в мире смешнее и отвратительнее евразия в модной жакетке и круглой шляпе на крошечном лбу, кроме разве евразиятки в шляпе с перьями, в которой она походит на лошадь под черною попоной, в страусовых перьях, под траурною колесницей. Ни один англичанин не способен чувствовать и особенно показывать такого презрения к индусу, как евразият. Последний ненавидит аборигена ненавистью, пропорционально количеству заимствованной от туземца крови... Индусы платят евразиятам тою же монетою и еще с прибавкой большего процента. «Кроткий» язычник превращается в свирепого тигра при одном имени евразията.

Но я смотрела не на неуклюжих креолов, вязнувших в сапогах по колено в густой уттакамандской грязи, заливавшей кровавым морем все улицы небольшого городка. С приближением к Утти мой взгляд останавливался не на гладко выбритых миссионерах, которые проповедовали под дождевыми зонтиками и в пустом пространстве, патетически размахивая свободною рукой пред проливавшими слезы деревьями. Нет, тех, кого я искала, не находилось там: тодды не расхаживают по улицам и почти никогда не приближаются к городу. Мое любопытство было напрасно, как я скоро узнала. Оно удовлетворилось лишь чрез несколько дней.

Накануне я провела ночь в вагоне на железной дороге и задыхалась от нестерпимой жары и духоты. А теперь с непривычки я дрожала под перинами, и у меня всю ночь топился камин.

В продолжение почти трех месяцев, до конца октября, я работала над приобретением новых сведений о тоддах и курумбах. Я ездила на кочевки к первым и узнала почти всех старшин этих двух необычайных племен. Мистрисс Морган и ее дочери, которые все родились на этих горах и говорят на языке баддагов, как и на тамильском, много мне помогали и старались обогащать ежедневно наш запас фактов. Все, что я узнала от них лично и от других, а также и почерпнутое из доставленных мне рукописей, собрано мною здесь. Отдаю эти факты на рассмотрение читателей.

Можно побиться об заклад, что не найдется на всем земном шаре другого племени, подобного тоддам. Где же и когда, спрашивается, бывало племя, о котором самые близкие его соседи, например, баддаги, аборигены одной страны с тоддами и даже совместные с ними обитатели небольшого уголка земли в горах, так же мало знали бы и не могли бы ничего более о нем сказать, как и майсурцы или дравиды отдаленных берегов Индийского океана? Эти «соседи» никогда и не слыхали о существовании тоддов до дня их открытия шестьдесят лет назад. Баддаги, ныне почему-то называемые *бюргерами*, не только не в состоянии дать каких бы то ни было сведений о прошлом тоддов до собственного прихода в горы, но даже не понимают и языка своих

¹¹ Пьеса У.Шекспира.

сюзеренов: тех, кого они почтительно величают «владельцами гор» (*lords of the Hills*)¹²! Со дня своего переселения в горы баддаги, о которых еще много речи впереди, стали, как уже сказано, пасти многочисленные стада тоддских буйволов, работать на тоддов, служить им добровольно и безвозмездно, и с первого же дня, по собственному признанию, стали молиться на мощных тоддов, взирая на них как на высшие небесные существа. На все вопросы англичан они отвечали с убеждением: «Тодды – дивы, посланные Брамой на землю боги», да так и стоят на этом заявлении.

Рассказ о неожиданном открытии этого и других, доселе совсем неизвестных в Индии племен, как и самой страны внутри Голубых гор над Куимбатуром, читается словно волшебная сказка. Эта находка была некогда для Мадраса тем же, чем открытие Америки было для Старого Света: она произвела не менее волнения в народах Англо-Индии. Ни европейцы, ни даже туземцы и не подозревали в начале нашего столетия, что над самыми, так сказать, головами их раскаленных городов и сел находится такая страна; что на несколько всего тысяч футов выше их пекла стоит истинная Швейцария с ровным прохладным климатом, с совершенно отличною от других стран природой и своеобразными флорою, фауною, с совершенно *во всем отличным от других народов племенем!* Из многих прочтенных нами вышедших за последнее полу столетие сочинений касательно Нильгири и тоддов мы еще не встречали ни одного, которое не начиналось и не кончалось бы вопросом: «Кто такие могут быть эти тодды?»

Откуда взялись они, в самом деле? Из каких стран пришли эти великаны, настоящие «бробдигнаги» Гулливерова царства гигантов? С которой из засохших, давно вымерших и испепелившихся ветвей человечества сорвался и упал в Голубые горы этот странный, никем неизвестный плод? Положим, что для туземцев вообще, а для суевенных подгорных малабарцев и майсурцев в частности, тодды – суть прямые потомки *див*, богов этих прелестных гор, которым они, как древние критяне своим таинственным «Кабирам»¹³, поклоняются, не спрашивая об их происхождении. Но проживающим в южной Индии европейцам тодды решительно представляются необъяснимым явлением, вопросительным знаком, на который невозможно получить ответа. О них, как выше показано, совещались, спорили, составляли самые невозможные, дикие гипотезы, пока, наконец, несколько лет тому назад их не предали, как обыкновенно предают темные вопросы, воле Божией. А теперь, когда англичане прожили с ними бок-о-бок более сорока лет, разузнав о них все, что только было возможно узнать, то есть нечто, равняющееся нулю, теперь мадрасские власти немного успокоились и переменили тактику. «Никакой тайны за тоддами не полагается, оттого и разрешить никто ее не мог, – заговорили они теперь. – Ничего в них нет и не было загадочного... Люди как люди. Даже их на первый взгляд непонятное влияние на баддагов и курумбов объясняется весьма просто: суевенным страхом невежественных аборигенов и уродливых карликов пред физической красотой и ростом, пред нравственною мощью другого племени». *Резюме:* «Тодды – весьма красивые, хотя и грязные дикари, без религии, как и без сознательного прошлого. Они просто – *не помнящее родства племя*, полу-животные, как, впрочем, и все туземцы Индии...» и т.д. и т.д.

Зато все служащие, землевладельцы, плантаторы, весь тот люд, словом, который поселился и живет уже годами в Уттакаманде, Коттагири и других поселках и городках на скатах Нильгири, относится к вопросу немного иначе. Оседлые жители выроставших, как по волшебству, в тридцатых годах *санитариумов*¹⁴ в Голубых горах знают многое, чего еще и не снилось английским новоприезжим чиновникам, но благоразумно молчат. Кому охота служить посмешищем для других? Но есть и такие, что не боятся говорить открыто и громко известное за правду.

¹² Так называют тоддов и сами англо-индийцы в официальных бумагах. Тоддам еще недавно англичане платили род арендных денег за Нильгири в виде ежегодной суммы, а теперь, кажется, перестали. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹³ «Кабиры (финик.). Божества, весьма почитавшиеся в Фивах, Лемносе, Фригии, Македонии и особенно в Самофракии. Они были богами мистерий, и ни один профан не имел права произносить их имен или говорить о них. Геродот делает из богами Огня и указывает на Вулкана как на их отца. Кабиры руководили Мистериями, и их настоящее количество никогда не было открыто, оккультное значение их очень священное» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 188–189.*)

¹⁴ Так англичане называют все городки на горах Индии, как Симла, Дарджилинг, Миссури и пр., куда посылают офицеров и солдат лечиться. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Между последними назову пригласившее меня семейство, не покидавшее Уттакаманду уже более сорока лет. Это семейство, начиная самым заслуженным генералом Родесом Е.Морганом и его милою и образованною женой и кончая восемью замужними дочерьми и женатыми сыновьями, имеет свой особый, давно уже установившийся взгляд на тоддов, как и на курумбов, особенно на последних.

– Жена и я, – часто говаривал нам почтенный английский генерал, – состарились на этих холмах. Мы, также как и дети наши, говорим на языке баддагов и понимаем диалекты других местных племен. Баддаги и курумбы у нас работают на плантации сотнями. Они привыкли к нам и любят нас, смотрят на нас как на своих, как на самых верных друзей и защитников их. Стало быть, если кто знает их самих, домашнюю жизнь, обычаи, обряды и верования их, то это мы: жена, я и старший сын, который, служа здесь коллектором, постоянно имеет с ними дело. Поэтому, основываясь на *неоднократно доказанных на суде фактах*, говорю прямо: тодды и курумбы действительно и бесспорно владеют какою-то силой, одарены могуществом, о котором наши мудрецы не имеют понятия... Если б я был *суеверным* человеком¹⁵, то разрешил бы эту задачу весьма просто. Я сказал бы, например, как говорят наши миссионеры: муллу-курумбы – исчадия ада и родились прямо от дьявола. Тодды же, хотя и язычники, но составляют им противоядие; они, видимо, посланное Богом орудие для ослабления власти и козней курумбов. Но, не веря в дьявола, я уже давно пришел к другого рода убеждению: не следует отрицать в человеке и в природе всех тех сил, которых мы не понимаем. Затем, если наша заносчивая наука неразумно отвергает их, то это лишь вследствие того, что не умеет объяснить их и классифицировать¹⁶. Слишком много доводилось мне видеть примеров, прямо доказывавших существование и присутствие такой неизвестной нам силы, чтобы не порицать скептицизма в этом отношении даже самой науки¹⁷!

То, что видал и слышал среди тоддов и курумбов мой уважаемый друг и хозяин могло бы наполнить целые тома. Приведу пока один случай. За него ручаются как генерал, так и жена его и все семейство. Этот рассказ показывает, как глубоко эти образованные люди верят в колдовство и дьявольскую силу муллу-курумбов.

«Живя в продолжение долгих лет на Нильгири, – пишет мистрис Морган¹⁸ в своей книге *Witchcraft on the Nilghiris* (Колдовство на Нильгири)¹⁹, – окруженная сотнями разноплеменных туземцев, которых я нанимала работать на наших плантациях, и хорошо знакомая с их языком, я имела случай наблюдать годами их быт и обычаи. Я знаю, как часто они прибегают к демонологии и колдовству между собою, особенно курумбы. Это племя разделяется на три ветви. Первая,

¹⁵ Почтенный генерал – «вольнодум», питающий глубокое уважение к так называемому научному агностицизму школы Герберта Спенсера и подобных этому философов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁶ Интересно сравнить мнение английского генерала-скептика с мнением священника Белюстина, часто писавшего в столичных газетах о русском простонародном суеверии по вопросам о колдовстве и ведьмах. Также мнение Н.С.Лескова. Далее взгляд генерала еще более приблизится ко взгляду священника. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Иван Степанович Белюстин (1819–1890) – священник, писатель, журналист.

Николай Семенович Лесков (1831–1895) – писатель и публицист.

По всей видимости, Е.П.Блаватская имеет в виду очерк Н.С.Лескова «Случаи из русской демономании» (Новое время, 1880, №1529, 1 июня; №1533, 5 июня; №1536, 8 июня; №1542, 15 июня; №1552, 25 июня).

¹⁷ Извлечение из английской рукописи генерал-майором Морганом. «Донесение» его в комитет, учрежденный главным советом Теософического Общества, «для исследований религий, нравов, обрядов и суеверий горных дравидских племен». Это донесение одного из главных членов совета и президента Тоддабетского Теософического Общества в Уттакаманде было публично прочтено пред 3000 народа, публики и членов во время годичного собрания членов 27 декабря 1883 года в Адьяре (Мадрас). Семейство генерала Моргана известно всей южной Индии. Как сам он, так и жена его пользуются большим уважением властей и всего европейского общества. Называю их настоящим именем и фамилией и привожу свидетелями с *полного их согласия*. Отечественные скептики приглашаются адресоваться за дальнейшими сведениями к самому генералу, если желают узнать мнение ученого англичанина о чарах и колдовстве муллу-курумбов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁸ Дочь генерал-губернатора Траванкорского в Тривандруме, где она и родилась. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Тривандрам (англ. Trivandrum).

¹⁹ См.: *Morgan E.H. Witchcraft on the Nilghiris // The Theosophist, 1883, V. 4, September* <Морган Е.Г. Колдовство в Нилгири // Теософ, 1883, т. 4, сентябрь>. См. еще одну статью Е.Г.Морган «Нилгирийские саньяси» (Теософ, 1884, т. 5, март).

просто курумбы, оседлые жители лесов, которые часто нанимаются в рабочие; вторая, тени-курумбы (от слова *тейн*²⁰, мед), живущие медом и кореньями, и третья – муллу-курумбы. Эти встречаются чаще тенов-курумб[ов] в цивилизованных частях гор, то есть в европейских поселках, и их очень много в лесах вдоль Виньяда²¹. Они употребляют лук и стрелы и любят охотиться на слонов и тигров. В народе существует поверье, часто доказанное на деле, что муллу-курумбы (как и тодды) имеют власть надо всеми дикими зверями, особенно над слонами и тиграми, и могут даже принимать образы этих зверей при случае. Посредством ликантропии²² (оборотничества) они совершают безнаказанно много преступлений. Они очень мстительны и злы. Другие курумбы постоянно прибегают к их помощи... Если туземец желает отомстить врагу, он отправляется к муллу-курумбе...

Несколько времени тому назад между рабочими на моей Уттакамандской плантации находилась целая артель баддагов, человек тридцать молодых здоровых людей, которые все до одного выросли в нашем поместье, где работали до них и отцы их и матери. Вдруг, безо всякой видимой причины, началась убыль в их рядах. Я стала замечать почти ежедневно отсутствие то одного, то другого работника. По справкам всегда оказывалось, что отсутствующий внезапно занемогал, а затем вскоре и умирал.

В один из базарных дней я встретила *монегара*²³ (старосту) деревни, к которой принадлежала моя артель рабочих. Увидав меня, он остановился и подошел ко мне с поклонами.

– Мать, – сказал он мне, – я печален и попал в большую беду! – и тут же заплакал.

– Что такое случилось? Говори скорее...

– Все мои парни умирают один за другим, и я не в состоянии ни помочь им, ни остановить наваждения... Их убивают курумбы!..

Я поняла и спросила о причине такого с их стороны озлобления.

– Все денег более и более хотят... Мы отдаем почти все, что сами зарабатываем. Но они все недовольны. Прошлою зимой говорю им, что денег у нас более нет, не могу больше дать, а они нам в ответ: “Ладно... как знаете... а мы свое получим!..” Если они так отвечают, то мы знаем наперед, что это значит. Эти слова влекут за собою неминуемо смерть нескольких людей из нашей артели... Ночью, когда все кругом нас спит, мы вдруг все просыпаемся разом и видим, что между нами стоит курумба. Наша артель ведь спит вся вместе, в одном большом сарае...

– Так зачем же вы не запираете двери покрепче на засовы? – спросила я старосту.

– Запираем, да какая может быть польза в засовах? Запирайте сколько хотите, а курумба пройдет куда угодно, хоть через каменные стены... Смотришь, проснувшись в страхе, а уж он тут, среди наших: стоит и разглядывает каждого. Подымет так палец и уткнет его то в одного, то в другого, в *Маду*, в *Куриру*, в *Джоги*... (имена трех последних жертв)... сам не открывает рта, молчит, а только указывает, а затем вдруг и след его простыл! Через несколько дней те, в кого он потыкал пальцем, заболевают, начинают гореть, животы у них пухнут горой, а на *третий день*, а то на *тринадцатый*, они умирают. Так померло у меня за последние несколько месяцев *восемнадцать* молодых людей из тридцати... Вот нас и осталась всего горсточка!..

И он горько заплакал.

– Но почему же вы не принесете жалобы правительству? – спросила я.

– Да разве *саабы* поверят? Кто же может поймать муллу-курумбу?

– Так дайте этим ужасным карликаам то, что они требуют, двести рупий, и пусть они обещают оставить хоть остальных в покое...

– Да, надо будет так сделать, – сказал он со вздохом. И поклонившись, ушел...

Этот пример есть один из многих, приводимых г-жою Морган, женщиной умною и вполне серьезною. Он показывает наглядно, что веру в колдовство разделяют с «суеверными» туземцами даже многие англичане.

²⁰ Англ. tain.

²¹ Виндхьи.

²² Ликантропия (от греч. λικάνθρωπος оборотень) – способность человека в мифологии и художественных произведениях на определенный срок превращаться в волка-оборотня.

²³ Англ. moneghar.

– Я живу между этими народами более сорока лет, – говорила мне часто генеральша. – Я наблюдала за ними тщательно и долго. Было время, когда и я не верила в эту силу, называя ее абсурдом... Но раз убедившись, я поверила, как и многие другие...

– Но вам известно, что над этою вашею верой в колдовство... смеются? – заметила я как-то.

– Знаю и давно убедилась в том. Но мнение публики, судящей поверхностно, не может изменить моего мнения, коль скоро оно основано на фактах.

– Мистер Беттен говорил мне вчера за обедом, смеясь, что месяца два тому назад и у него была встреча с курумбами, но что он, несмотря на их угрозы, до сих пор жив.

– Чтò именно рассказал он вам? – спросила она с оживлением, снимая очки и положив в сторону работу.

– Чтò он на охоте ранил как-то слона, но что тот ушел от него в чашу. Животное было великолепное и он не захотел упустить его. С ним было человек восемь бюргеров-баддагов и он приказал им следовать за собою в погоню за раненым слоном. Но зверь завел их очень далеко, так далеко, что если б они не увидели, наконец, его мертвого тела, то баддаги-шикари не пошли бы далее под предлогом, что могут встретить курумбов. Но это не помогло бы, потому что они и без того встретились с ними лицом к лицу, подойдя к слону. Курумбы объявили, что слон их и что они его только что убили, показывая в доказательство с дюжину своих стрел в его теле... Но Беттен отыскал между ними и рану от своей пули. Выходило так, что курумбы не убили, а только докончили сильно уже раненое животное... Но карлики стояли на своем праве. Тогда, по словам Беттена, невзирая на их проклятия, он прогнал их и, отрезав ногу и клыки слона, уехал домой... «Ну вот, я до сего дня здоров и невредим, – смеялся он, – а ведь индусы-чиновники в моем департаменте уж было совсем похоронили меня, услышав о моей встрече с курумбами!»...

Мистрис Морган, выслушав терпеливо мой рассказ, только спросила:

– Он вам более ничего не говорил?

– Нет.

Обед кончился, и разговор сделался общим.

– Ну, так я вам сама доскажу то, чтò он пропустил; а рассказав, призову свидетеля, единственного, кроме Беттена, пережившего неприятную встречу. А говорил он вам, что при его первой попытке завладеть клыками слона, курумбы прокричали ему: «Тот, кто дотронется до нашего слона, увидит нас у себя пред своею смертью». Это обыкновенная формула их угрозы смертью... Если б его баддаги были из здешних мест, то они скорее позволили бы ему убить себя на месте, нежели пренебрегли бы эту угрозу. Но он их привез с собою из Майсура. Беттен ранил слона, но он слишком гадлив, как он сам сознается, чтобы резать на куски мертвого зверя. Он только полуохотник, лондонский *кокней* (*cockney*)²⁴, – прибавила она с презрением. – Отрезали ногу и вырезали клыки его майсурские шикари и они же унесли их, повесив на жерди, домой. Их было восемь человек. Теперь желаете знать, сколько их осталось в живых?

И она захлопала в ладоши, призывая этим жестом слугу, которого она тотчас же послала за Пурной.

Пурна оказался стариком-шикари в весьма расслабленном состоянии. Его маленькие черные глаза с желтыми белками, как после разлития желчи, пугливо перебежали от его госпожи ко мне. Он, видимо, не понимал, зачем его призвали в гостиную саабов.

– Скажи мне, Пурна, – начала решительно генеральша, – сколько вас, шикарей, ходило два месяца тому назад с Беттен-саабом на слона?

– Восемь человек, мам-сааб, Джотти-мальчик девятый, – прохрипел с трудом старик, откашливаясь.

– Сколько вас теперь осталось?

– Я один, мам-сааб, – вздохнул шикари.

– Как? – воскликнула я в непритворном ужасе, – разве все остальные, даже и мальчик, умерли?

²⁴ Кокни – один из самых известных типов лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоев населения. В соответствии с поверьем, истинный кокни – это житель Лондона, родившийся в пределах слышимости звона колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу (звон их слышен на расстоянии не больше пяти миль от церкви).

– *Мурче* (умерли), все умерли! – простонал старый охотник.

– Расскажи мам-сааб, как и отчего они умерли, – приказала генеральша.

– Муллу-курумбы их убили, животы вспухли у одного за другим, все и перемерли, последний пять недель тому назад...

– Ну а как же этот-то спасся?

– Его я послала тотчас же к тоддам на излечение, – объяснила мистрис Морган. – Других они не приняли... пьющих они не берутся лечить и всегда отсылают назад: от того и мои добрые работники умерли... один за другим, до двадцати человек, – добавила она со вздохом. – Ну, а этот старик выздоровел, к тому же он не дотрагивался до слона и нес только одно ружье, как он рассказывает. Беттен, как я слышала от него самого и других, угрожал шикарям, что если они не унесут трофей слона домой, то он заставит их переночевать в лесу с курумбами до утра. Испуганные такую перспективой, они и отрезали скорее ногу, вырезали клыки, а затем унесли их домой. Пурна, который долго служил у моего сына в Майсуре, прибежал ко мне, и я его тотчас отослала к тоддам вместе с его товарищами. Но они не приняли никого, кроме Пурны, который никогда не пьет. Ну, а другие стали с того самого дня хиреть. Они ходили на наших глазах точно привидения, зеленые, худые, с огромными животами, и не прошло месяца, как они все умерли один за другим *от лихорадки*, по показанию военного доктора²⁵.

– Но ведь бедный мальчик не мог еще быть пьяницей? – спросила я. – Почему же хоть его не спасли ваши тодды?

– Здесь теперь пятилетние дети и те пьют, – ответила она с выражением отвращения на лице.

– До нашего прихода в эти горы в Нильгири никогда не пахло спиртными напитками. Это одно из благодеяний внесенной нами цивилизации. А теперь...

– Чтò ж теперь?..

– Теперь водка у нас губит столько же людей, как и курумбы. Она их лучшая союзница... Иначе курумбы в таком близком соседстве с тоддами были бы безвредны.

На этом наш разговор кончился. Генеральша приказала запрячь двух огромных волов в такую же огромную карету и предложила мне поехать с ней на ее поселок *за травами*. Мы отправились.

Дорогой она мне рассказывала все время о тоддах и курумбах. Мистрис Морган – женщина с удивительно наблюдательностью и памятью, женщина энергичная, в высшей степени деятельная и храбрая. А надо иметь большой запас этого качества, чтобы ратовать, как то она делала, во имя правды и человеколюбия в продолжение сорока лет против англо-индийских понятий об общественных приличиях и установленных правилах жизни. Еще в то время как она была женою бедного капитана Ост-Индской Компании, которому, как и всем служащим, была воспрещена всякая частная спекуляция, она решилась, видя ежегодное приращение семейства, составить мужу и детям состояние. Она закупила огромное количество земли и лесов, продававшихся сорок лет тому назад за номинальную цену на вновь открытых горах, и стала хозяйничать. Она выписывала семена, засеяла первая несколько сот десятин пустыря эвкалиптусом²⁶, чайными и кофейными деревьями; занялась разведением скота и в продолжение нескольких лет молоко, масло и сыр ее двухсот превосходных коров наполняли все базары Нильгири. Она продолжала это, невзирая на нарекания гордого англо-индийского общества, даже когда ее муж из капитана сделался генералом. На замечание главнокомандующего она ему прямо отвечала, что так как ее муж не вор, а своего состояния не имеет, то правительство не имеет права пустить ее восьмерых детей по миру, запретив ей, частному лицу, заботиться об их благосостоянии. Она получила должное. Работая день и ночь, любимая туземцами, а поэтому и находя и хороших помощников в своих рабочих, в двенадцать лет, говоря ее словами, она заработала своими руками пять *леков*²⁷. Она продавала, покупала, спекулировала и собрала огромные деньги. Ее дом, выстроенный ею самой, самый большой и великолепный в Уттакаманде.

²⁵ Фрагмент «Что он на охоте ранил как-то слона... по показанию военного доктора» см. так же в сокращенном виде в: *Морган Е.Г.* Колдовство в Нилгири // Теософ, 1883, т. 4, сентябрь.

²⁶ эвкалиптом (англ. eucalyptus).

²⁷ Лек – 100000 рупий или 250000 франков. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Лак (англ. lakh).

В нем теперь поселился на три года главнокомандующий, сэр Фредерик Робертс²⁸ с женой. «Это моя единственная и самая горькая ошибка!» – жаловалась она мне часто.

– Он воображает, что может со мною поступать как с афганцем. Он вырубает мои любимые деревья, переделывает на свой лад мой дом и портит плантации...

Во время моего пребывания с ними у них шла ожесточенная война...

К счастью, ее муж давно в отставке. Если нет героя для его *valet de chambre*²⁹, то тем менее имеется таковой для хозяина дома. Мистрис Морган держит афганистанского героя в ежедневном страхе.

Добрая мистрис Морган очень любит свои горы и гордится ими. Она сроднилась с ними и считает всех тоддов и даже баддагов-рабочих как бы частью своего семейства. Она не может простить правительству непризнания «чар» и их ужасающих результатов.

– Наше правительство просто глупо, – говорила она, волнуясь, в карете. – Оно отказывается назначить комиссию для проведения следствия и не желает верить в то, во что веруют все туземцы всех каст, пользуясь этими ужасными средствами для совершения безнаказанных преступлений гораздо чаще, нежели это может кому-то придти в голову! Страх колдовства так велик у нас в народе, что часто люди готовы убить целую дюжину невинных особ колдовством другого рода, лишь бы вылечить одного больного человека, заподозренного в немощи от *глаза курумбы*... Раз я ехала верхом, вдруг моя лошадь, внезапно фыркнув и захрапев, неожиданно бросаюсь в сторону, чуть не выбила меня из седла. Присмотревшись, я увидела среди дороги очень странную вещь. То была большая плоская корзина, в которой лежала, тараща на прохожих безжизненные глаза, отрезанная голова барана, затем кокосовый орех, десять рупий серебром, рис и цветы. Эта корзина была поставлена у верхнего угла треугольника, составленного из трех тонких ниток, привязанных к трем колышкам. Все это было расположено так, что кто бы ни шел с той или с другой стороны дороги, должен был непременно наткнуться на эти нитки, порвать их и, таким образом, получить удар во всей его силе от убийственного *сунниума*, как этот род колдовства называется у нас. Это средство самое обыкновенное у туземцев. К нему прибегают весьма часто в случае болезней, исход которых грозит смертью. Тогда готовят *сунниум*³⁰. Кто до него дотронется, хотя до одной из ниток, получит болезнь, тогда как больной выздоравливает³¹. *Сунниум*, на который я чуть было не наткнулась, был поставлен под вечер по дороге к клубу, по которой более всего ходят в темноте. Меня спасла лошадь, но я потеряла ее, чрез два дня она издохла. Не верьте после этого в *сунниумы* и колдовство! И ведь что меня более всего сердит, – продолжала она, – это то, что смерть вследствие колдовства всегда приписывается нашими докторами какой-то неизвестного качества лихорадке. Удивительная должна быть эта лихорадка, которая так умно и безошибочно умеет выбирать свои жертвы. Она никогда не нападает на тех, у кого нет ничего общего с курумбами. Она является лишь вследствие неприятной встречи с ними, ссоры или их злобы на жертву. Да в Нильгири нет, как и никогда не было, никаких лихорадок. Это самое здоровое на земном шаре место. Мои дети не болели от рождения ни одного часа. Посмотрите на Эдит и Клару. Взгляните на силу и цвет лица этих девочек, – говорила она, указывая на дочерей.

Действительно, всякая мать имела бы право гордиться таким цветущим здоровьем своих детей. Не найдя места в переполненной нами карете, обе молодые девушки, бежавшие более четырех миль без усталости возле ее дверей, переговаривались с нами также спокойно, как если бы они сидели на месте. Их огромные мальчишеские прыжки через рвы и канавы в продолжение часа с лишним только еще более разгумнили их и без того розовые щеки.

²⁸ Фредерик Слей Робертс (1-й граф Робертс Кандагарский, 1832–1914) – британский военачальник, войска под его командованием нанесли поражение армии афганского эмира в сражении под Кандагаром 1 сентября 1880 г. во время второй англо-афганской войны 1878–1880 гг., в 1885–1893 гг. главнокомандующий в Индии.

²⁹ камердинера (*фр.*).

Французское выражение: *il n'y a point de héros pour son valet de chambre* (нет героя для своего камердинера, для лакея нет героя).

³⁰ Англ. *soonium*.

³¹ Фрагмент «Раз я ехала верхом, вдруг моя лошадь... тогда как больной выздоравливает» см. так же в: *Морган Е.Г. Колдовство в Нилгири // Теософ, 1883, т. 4, сентябрь.*

Но мистрис Морган не слушала моих искренних комплиментов их силе. Она продолжала бранить лекарей.

Наконец, она прервала свои нарекания восклицанием:

– Взгляните! Вот один из прелестнейших *муррти*, тоддских поселков. Здесь живет их самый древний и святой *капиллал*.

Тодды, как уже сказано, народ полукочевой. От Рангасуами до Тоддабета вся поверхность горной цепи усеяна их *мурртами*, деревушками или поселками, если группа трех, четырех пирамидообразных жилищ может считаться поселком.

Такие жилища построены недалеко одно от другого и между ними, отличаясь от прочих величиной и более тщательно постройкой, всегда красуется *тирири*, «священный буйволятник». В нем за первую «комнатой», служащей ночным приютом для буйволов и особенно для буйволиц, комнатой огромных размеров, выстроена всегда другая комната. Эта комната, где царствует вечный мрак, потому что она не имеет ни окон, ни дверей, а единственный в нее вход – просто дыра в квадратный аршин, не более, это и есть, по-видимому, *храм* тоддов; их *Sancta Sanctorum*³², где совершаются никому неизвестные таинственные обряды. Даже вышесказанная дыра строится в самом темном углу, уже без того темного хлева, там, где желающим забраться в святилище пришлось бы долго искать этого входа. Туда не может вступить ни одна женщина, как и никто из женатых тоддов, то есть никто из класса мирян, или *кутов*. Одни *тералли*, «священнодействующие», имеют свободный доступ во внутренний *тирири*.

Само здание всегда окружено довольно высокою каменною оградой, внутри которой двор, или *ту-эль*, тоже считается священным. Постройки, сгруппированные вокруг *тирири*, издали напоминают своею формой кибитки киргизов. Но они все каменные и смазаны крепчайшим цементом. Здания имеют обыкновенно от 12 до 15 футов³³ в длину и от 8 до 10³⁴ в ширину, имея высоты от земли до края пирамидальной крыши не более 10 футов.

Тодды не живут днем в этих зданиях: они только ночуют в них. Невзирая ни на какую погоду, в самую вьюгу муссунов и под проливным дождем, можно видеть их сидящих группами или же расхаживающих парами. Тотчас после солнечного заката они влезают в крошечные отверстия своих миниатюрных пирамид. Одна огромная фигура за другою начинает исчезать в них; после чего, задвинув изнутри отверстие толстейшею деревянною ставней, очень замысловато движущеюся на стержне и запирающеюся посредством крепкого засова и двух выбоин в стене, тогда уже не показывается до утра. Его нельзя ни видеть, ни выманить из жилища после солнечного заката.

Тодды разделены на семь *кланов* или родов: в каждом клане считается сотня мужчин и дюжины две женщин. По собственному их уверению, эта численность не изменяется, да *и не может измениться*, существуя уже с первой эпохи их поселения в горах. Статистика подтверждает это за последние пятьдесят лет. По мнению англичан, этот странный факт неизменности в цифре их рождений и смертности, как бы замкнувший число тоддов в семь сотен на много веков, следует приписать полиандрии³⁵: у тоддов одна жена на всех братьев одной семьи, будь их дюжина.

Значительное меньшинство женского пола в ежегодных рождениях приписывалось сначала весьма распространенному между племенами Индии детоубийству. Но это никогда не было доказано. Несмотря на все принимаемые меры и неутомимое соглядатайство, несмотря даже на обещанную награду за донос со стороны англичан, почему-то сгорающих желанием поймать и уличить тоддов в противозаконном деянии, до сего дня невозможно было выследить ни одного такого случая. Тодды только презрительно улыбаются на все подозрения.

– Зачем нам убивать маленьких *матерей*? – говорят они. – Если б они не были нам нужны, мы бы и не имели их. Мы знаем, сколько нам необходимо мужчин и сколько матерей, и лишнего мы не станем иметь.

³² *святая святых* (лат.).

³³ 3,7–4,6 м.

³⁴ 2,4–3 м.

³⁵ Многомужество или полиандрия – редкая форма полигамии, при которой женщина состоит в нескольких брачных союзах с разными мужчинами.

Этот странный аргумент заставляет статистика и географа Торна³⁶ в его книге о Нильгири писать с каким-то озлоблением. «Эти дикари, идиоты... Они смеются над нами!..» – заявляет он, сам не замечая, что приписывает идиотам способность так ловко мистифицировать высшую интеллектуальную расу.

Но люди, давно знакомые с тоддами, изучавшие их самих и быт их годами, думают, что тодды дают свое показание серьезно и глубоко верят в заявленный факт. Они идут еще далее и открыто делают предположение, что тодды, как и многие другие племена, живущие, так сказать, в лоне природы, владеют гораздо бóльшим числом тайн природы, а поэтому знакомы с практической физиологией лучше, нежели наши ученые врачи. Люди эти вполне уверены, что, ссылаясь на бесполезность прибегать к преступлению детоубийства, когда число «матерей» их племени находится в их распоряжении, тодды говорят одну правду, хотя их *modus operandi*³⁷ в этом темном физиологическом вопросе и составляет для всех необъяснимую тайну.

На языке тоддов слова «женщина», «девочка» или «девушка» не существуют. Понятие о нашем поле у них неразрывно связано с понятием о материнстве. Поэтому у них и нет для них другого названия, на каком бы языке они ни выражались. Говорят ли они о старухе или о годовалой девочке, тодды ее всегда называют «матерью», употребляя лишь такие прилагательные для ясности изложения, как «старая», «молодая» или «маленькая».

– Наши буйволы, – иногда замечают они, – определили раз и навсегда число наших людей, от них зависит и число *матерей*.

Тодды никогда долго не заживаются на одном *муррте*, а переходят из одного в другой по мере истребления буйволами подножного корма. Благодаря почве и изобилию растительности на горах этот корм не имеет себе подобного в Индии. Поэтому, вероятно, их буйволы и превышают величиной и силой все встречаемые в других частях не только страны, но и всего мира породы. Но опять и в этом даже проявляется нечто загадочное. Есть и у баддагов и у плантаторов буйволы, которые пользуются таким же хорошим кормом; почему же, спрашивается, *эти* буйволы гораздо менее ростом и слабее, чем тот же скот в «священных стадах» тоддов? Их животные буквально гигантской величины, словно это последние остатки допотопных прародителей. Всем известно, что, невзирая на все улучшения породы, старания собственников-плантаторов не увенчались успехом: их буйволам никогда не сравняться с буйволами тоддов, которые к тому же упорно отказываются одождать свой скот для скрещивания пород. Впрочем, благодаря климату, отсутствию мух, оводов и мошек, все породы буйволов и быков, а также и баранов, великолепны на этих горах и составляют исключение в Индии.

Каждый клан, которых, как сказано, всего семь, разделяется на несколько больших семейств; каждое семейство, смотря по числу душ, имеет свой особенный домик или даже два или три домика в *муррте* на нескольких пастбищах. Таким образом, каждая семья имеет готовый кров, на которое бы из пастбищ она не перешла, а иногда и несколько таких одной ей принадлежащих поселков с неизбежным *тирири*, храмом-буйволятником. До прихода англичан и прежде чем они рассеялись как чужеродное растение по всей поверхности Нильгири, тодды, удаляясь из одного *муррта* в другой, оставляли *тирири* пустыми, как и прочие здания. Но заметив любопытство и нескромность новых пришлецов, которые с первых дней своего насильственного вторжения старались проникнуть в их священные здания, тодды стали осторожнее. Они уже не доверяют, как доверяли прежде, и, уходя, оставляют при *тирири* священнодействующего «тералли»³⁸, который ныне стал известен под именем *поллола*³⁹ с его ассистентом *капиллолом* и двумя буйволицами.

«Целых сто девяносто семь поколений жили мы спокойно на наших горах, – жаловались тодды властям, – и ни один человек, кроме наших *тераллиев*, не осмеливался заносить ногу за трижды священный порог *тирири*. Буйволы гnevаются... Запретите белым братьям подходить к *туаэлли* (священной ограде), не то беда будет, страшная беда!..»

И власти благоразумно запретили поселенцам из долин, особенно любопытным и еще чаще нахальным англичанам и их миссионерам, вторгаться в *туаэлли* и даже подходить к ним. Но они

³⁶ Речь идет, скорее всего, об Э.Торнтоне.

³⁷ образ действия (*лат.*).

³⁸ Безбрачный аскет, отшельник. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁹ *Поллол* – хранитель, а *капиллол* – буквально «меньший хранитель». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

успокоились тогда только, когда двое из них были в разное время убиты буйволами: подняты на их острые, огромные рога и буквально раздавлены до смерти под тяжелыми ногами. Это животное презирает даже тигра, который редко смеет тягаться с ним.

Так никто до сих пор и не узнал, какая тайна скрывается в комнате за буйволятниками. Даже миссионер Метц не успел разрешить загадки в тридцать лет общего сожительства. Описание и сведения по этой части майора Фрезера⁴⁰ и других этнологов и писателей оказались теперь вполне фантастическими. Майор «залез в комнату за буйволятником и нашел в этом столь интересовавшем всех *храме* грязную и совершенно пустую комнату» по той простой причине, что участок вместе со зданиями на нем был уступлен тоддами городу за другое, более отдаленное пастбище, но гораздо обширнее. Все, что было в домиках и храме, было вынесено и здания предоставлены на слом.

Кроме своих буйволов, тодды не занимаются никаким другим скотоводством или хозяйством. Они не держат ни коров, ни баранов, ни лошадей, ни коз, ни даже какой-либо птицы. Они не терпят кур, потому что «петухи беспокоят ночью и будят своим криком уставших буйволов», – объяснил мне один старик. У тоддов, как уже сказано, нет даже собак, хотя и можно найти у каждого баддага в доме это полезное и даже необходимое в таких лесных трущобах животное. Тодды не занимаются и теперь, как не занимались до прихода англичан, никакой работой: не сеют и не жнут и, однако, имеют, по-видимому, всего вдоволь, хотя денежными делами не обременяются и в деньгах толка вовсе не знают за исключением немногих стариков. Женщины их очень красиво и оригинально вышивают края своих белых простынь, их единственный покров; но мужчины открыто презирают всякую ручную или телесную работу. Вся их любовь, помышления и религиозные чувства сосредоточены на великолепных буйволах. Но их женщины не допускаются к ним; доение буйволиц и уход за ними принадлежит исключительно мужчинам.

Через несколько дней после моего приезда в сопровождении только дам и детей мы отправились посетить *муррти* в милях пяти от города. В этом поселке теперь жило несколько семейств тоддов и старик-*тералли* с целой свитой «священнодействующих», как нам говорили. Я уже имела случай видеть нескольких тоддов, но не видала еще ни их женщин, ни обрядов с буйволами. Мы ехали с намерением посмотреть, если будет дозволено, церемонию загона буйволов в хлев, о которой мне так много рассказывали и которую мне очень хотелось видеть.

Было уже около пяти часов вечера и солнце близилось к закату, когда мы остановились у опушки леса и, выйдя из карет, пошли пешком к большой поляне. Тодды возились с буйволами и не обратили на нас внимания, даже когда мы подошли к ним довольно близко. Но буйволы заревели. Один из них, очевидно главный, с серебряными колокольчиками на огромных закрученных рогах, отделясь от стада, подошел к самому краю дороги. Повернув к нашей группе высоко поднятую голову, он устремил на нас свои блестящие огненные глаза и громко замычал, словно спрашивая: кто мы такие...

Говорят, что буйволы ленивы и глупы и что глаза их ничего не выражают. Я вполне разделяла это мнение, пока не познакомилась с буйволами тоддов, и особенно с этим, словно заговаривавшим с нами на своем языке животным. У этого глаза горели, словно два угля, и в его косвенном, беспокойном взгляде светилось положительно чувство как бы удивления и вместе с тем недоверия...

– Не подходите к нему, – закричали мне спутники, – Это их вожак и самый священный из всего стада!.. Он очень опасен...

Но я и не думала подходить, а напротив, стала было ретироваться быстрее, нежели подошла, когда юноша, высокий и стройный, словно Гермес среди быков Юпитера⁴¹, очутился одним прыжком между буйволом и нами. Сложив руки и нагнувшись пред «священной» мордой, он быстро наклонился к уху животного и стал шептать вполголоса никому непонятные слова. Тогда произошло нечто весьма странное, до того странное, что если бы факт этот не был мне

⁴⁰ *The Toddas, what is known of them* <<Годы, что известно о них>. – Примечание Е.П.Блаватской.

⁴¹ Гермес – в древнегреческой мифологии сын Зевса (Юпитера), бог торговли, прибыли, разумности, ловкости и красноречия, дающий богатство и доход в торговле, бог атлетов, покровитель глашатаев, послов, пастухов, путников, покровитель магии, алхимии и астрологии.

подтвержден другими, то я сочла бы его за галлюцинацию вследствие множества слышанных мною в эти дни историй и анекдотов об этих священных животных.

Буйвол при первых словах юного *тералли* повернул к нему голову и точно слушал и понимал. Взглянув в нашу сторону, как бы желая осмотреть нас еще внимательнее, он стал кивать головой, испуская короткие, отрывистые, будто осмысленные мычания и как бы отвечая на почтительные замечания *тералли*. Затем бросив на нашу компанию уже равнодушный взгляд, буйвол повернулся к дороге спиной и тихо пошел назад к своему стаду...

Вся эта сцена была до того комична и так сильно напоминала разговор русского мужика с медведем «Михайло Иванычем» на цепи, что я чуть было не рассмеялась.

Взглянув на серьезные и немного смущенные лица моих спутниц, я невольно удержалась.

– Видите, что я говорю вам правду!.. – полуторжественно, полубоязливо шепнула мне на ухо девочка лет пятнадцати. – Буйволы и *тералли* понимают друг друга, они *разговаривают* между собою как люди.

К моему изумлению, мать не остановила девочку, не сделала никакого замечания. На мой вопросительный, удивленный взгляд она только ответила как бы тоже с маленьким смущением: «Тодды во всем странное племя... Они рождаются и живут среди буйволов. Они дрессируют их годами и действительно можно подумать, будто они даже ведут между собою разговоры...»

Узнав мистрис Т*** и ее семейство, женщины вышли на дорогу и окружили нас. Их было пять: одна с ребенком совершенно голым, невзирая на холодный дождевой вихрь, три молодые и очень красивые и одна старуха, еще очень благообразная, но зато уж очень грязная. Эта подошла прямо ко мне и спросила, должно быть по-канарез[с]ки: кто я такая. Вопросы я, конечно, не поняла и поэтому за меня ответила одна из молодых девушек. Но когда мне были переведены как вопрос, так и ответ, то последний показался мне чрезвычайно оригинальным, хотя и не очень правдоподобным.

В этом ответе я была представлена публике «чужеземною матерью и любящею дочерью буйволов», по уверению переводчицы. По-видимому, это описание успокоило и даже обрадовало грязную старуху, потому что без такой рекомендации, как я узнала после, меня бы и не допустили присутствовать при вечерних обрядах с буйволами. Старуха тотчас же побежала и, вероятно, передала сведения другому, старшему *тералли*, который, будучи окружен группой молодых священнодействующих, стоял вдали в живописной позе, опершись локтем на блестящую черную спину уже знакомого нам буйвола-«вожака». Он тотчас пошел к нам и заговорил с мистрис С***, которая знала их язык не хуже туземца.

Какой представительный великолепный старик! Я невольно сравнивала этого аскета гор с такими же аскетами индусами и мусульманами. Сколько последние кажутся расслабленными, мумиеобразными, столько *тералли*-тогда поражал нас здоровьем и силою своего мощного, высокого и крепкого как вековой дуб тела. Седина еле серебрила его бороду, его густые, падающие тяжелыми прядями на спину волосы. Прямой как стрела, он подходил к нам не торопясь, и мне казалось, будто к нам приближается ожившая, вышедшая из своей рамы фигура Велизария⁴². При виде этого чудно-живописного гордого старика, глядевшего царем, переодетым в рубище, и его шести замечательно мощных и красивых *капиллолей*, во мне проснулось с новою силой чувство жгучего любопытства, неутолимое желание узнать все, что только было возможно, о его племени и особенно о его тайнах.

Но то было напрасное и в ту минуту совсем неудовлетворимое желание. Я не говорила даже, как многие из моих европейских знакомых, на их языке. Мне оставалось ждать терпеливо и безропотно, наблюдать и принимать к сведению все, что мне будет дозволено увидеть.

В тот вечер я увидела только следующую любопытную церемонию, которая повторяется тоддами ежедневно.

Солнце почти совсем зашло за верхушкой деревьев, когда тодды стали готовиться к загону своей *священной* скотины. Рассыпанные по поляне штук сто буйволов мирно паслись вокруг «вожака», который никогда не оставляет своего наблюдательного поста в центре стада. У всех

⁴² Флавий Велизарий (ок. 505–565) – византийский военачальник времен императора Юстиниана Великого.

были привязаны колокольчики к рогам. Но тогда как у других то были медные бубенчики, «вожак» отличался чистым серебром своих колокольчиков и золотою серьгой в ухе.

Церемониал начался тем, что стали отделять буйволят от маток и запирали их в отдельные хлева, пристроенные к *туэлю*, до утра. Затем отворились широкие ворота очень низкой стены, до того низкой, что мы с дороги видели все происходившее в *туэле*. Звоня колокольчиками и погремушками, буйволы стали входить один за другим и устраиваться рядами. То были самцы, а буйволицы ждали очереди, которая приходила для них после. Каждого буйвола подводили к устроенной во дворе цистерне или попросту луже; обмыв, его вытирали сухой травой, поили, а затем запирали в *тирири*.

Но в чем же состоит интерес обрядов? По мере того как буйволы подходят к воротам, миряне обоих полов (то есть около восьмидесяти мужчин и дюжины две-три женщин разных возрастов) становятся в два ряда по обе стороны ворот, мужчины одесную⁴³, а «матери» ошую⁴⁴, а затем все отвешивают по низкому поклону буйволам, каждому поочередно. При этом все делают какие-то непонятные жесты, означающие у них глубокое уважение. То же самое делается для буйволиц. Только кроме этого «матерям» приходится класть перед каждой маткой по земному поклону и протягивать ко всякой руку с клочком травы. Счастлива та «мать», от которой главная буйволица удостоит принять лакомый корм! Это считается лучшей приметой.

Убрав и заперев буйволов, мужчины принимаются доить буйволиц; женщину животное к себе и не подпустит. Эта священная церемония длится часа два, так как сосуды из древесной коры, наполненные молоком, обносят семь раз вокруг выдоенной самки и только затем уже они относятся в молочную, особенный домик, который содержится в необыкновенной чистоте. Доят одни «посвященные», то есть «капиллолы» под присмотром главного *тиралли*, или первосвященника.

Когда все молоко выдоено и готово, ворота *туэля* запираются и посвященные входят в буйволятник. Тогда, по уверению баддагов, комната за буйволятником освещается многими лампочками, которые горят до утра. Это жилище одних посвященных. Чтò совершается в этом тайнике до утра, никто не знает, да и нет надежды, чтобы кто когда узнал. Тодды презирают деньги; подкупить их, не нуждающихся решительно ни в чем и смотрящих на все чужое, *не свое*, с полнейшим равнодушием, фактически невозможно. Как весьма верно указано капитаном Гаркнессом и другими, прожившими с ними целые годы свидетелями, тодды *бессребреники* в полном смысле этого слова.

⁴³ справа (*устар.*).

⁴⁴ слева (*устар.*).